Государство и право: теоретические и исторические аспекты

А.А. Головина

Конфликт правовых идей и концепций в странах постсоветского пространства[1]

В статье рассматривается категория юридического конфликта на примере такой его разновидности, как конфликт правовых идей и концепций. В частности, исследуются характерные сферы возникновения таких конфликтов на постсоветском пространстве на примере спора о принадлежности стран постсоветского пространства к той или иной правовой семье, выделяются конструктивные и деструктивные аспекты конфликтов правовых идей и концепций.

Ключевые слова: юридический конфликт; конфликт правовых идей и концепций; постсоветское пространство; правовые семьи.

Российское общество нередко характеризуют как идеократическое. Приходится признать, что некоторые современные исследователи термин «идеократия» воспринимают в несколько ограниченном контексте (а то и с негативным оттенком), например, как государство, в котором властные элиты подбираются по принципу верности определенной идее. В частности, А.В. Тупаев отмечает, что «под идеократией понимается такой общественный строй, при котором правящая элита отбирается по признаку преданности общей идее. Общегосударственная идея представляет собой систему убеждений, которую воспроизводит объединенный в единственную государственно-идеологическую организацию правящий строй. Рекрутирование правящей элиты происходит по принципу преданности и общности миросозерцания, объединяющей государственной идеологии и организации» [14: с. 230–231].

Однако представляется более взвешенным подход к идеократическому обществу как обществу, в котором сильна власть идей, стремление к идеалам, «к дальним целям», в котором духовный аспект человеческого бытия ставится нередко выше материального в шкале общественных ценностей.

---

[1] Статья подготовлена на основе выступления автора на круглом столе по теме: «Использование институтов иностранного права в российском законодательстве и юридической практике: проблемы гармонизации» (III Московский юридический форум. Кутафинские чтения – 2016).

Вообще же, в каком-то смысле каждое человеческое общество в той или иной мере является идеократическим, поскольку разуму, отличающему человека от животного, имманентны идея и идеал, которые у разных индивидуумов и разных обществ отличаются лишь содержанием. В таком ракурсе идеократическим может быть названо и западное общество потребления с его идеалами американской мечты, прав человека и демократии. И здесь интересна точка зрения Л. Тихомирова, центральной идеей концепции которого современные исследователи видят идею имманентности идеократизма любой форме политического суверенитета [2: с. 56]: по его мнению, «всякая Верховная власть идеократична, то есть, находится под властью своего идеала, безгранично сильна, пока совпадает с ним, и становится узурпацией (тиранией, олигархией, охлократией), когда сама выходит из подчинения ему. Пределы эти, определяющие нравственную законность и незаконность Верховной власти, не подлежат точной формулировке, но всегда прекрасно чувствуются нацией, то послушно подчиняющейся сознаваемой ею основной правде власти, то возмущающейся против узурпации» [12].

В идеократическом обществе борьба идей, их конкуренция, а нередко и конфликты имеют влияние, значение которого опасно недооценивать. И правовые идеи здесь не исключение.

Конфликт правовых идей и концепций, на наш взгляд, можно определить как противоречие в правовой системе, выражающееся в противопоставлении одних правовых идей и концепций другим. Подобные конфликты являются социальными по своей природе. Например, А.В. Дмитриев отмечал, что социальный конфликт — это «процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника *или изменить его взгляды и социальные позиции* (выделено нами. — *А. Г.*)» [16: с. 6], «под социальным конфликтом обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожать оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает формы атаки или обороны» [16: с. 6].

Еще одной ключевой чертой такого конфликта является его когнитивный характер. Юридические конфликты в целом, по мнению исследователей, носят такой характер, например, А.В. Дмитриев подчеркивает, что юридический конфликт «в значительной мере носит …когнитивный характер, поскольку спор идет о понимании права, но за этим спором часто просматриваются и другие, вполне практические интересы сторон», «взгляды, знания, точки зрения или, говоря психологическим языком, “когнитивные структуры” субъектов во время взаимодействия могут находиться в полном или частичном согласовании, но могут быть и в абсолютном противоречии. Противоборство когнитивных структур может быть вовсе не связано с нарушением отношений между субъектами» [16: с. 14, 28]. Однако именно в конфликтах правовых идей и концепций когнитивность выходит на первый план.

Конфликты правовых идей и концепций могут приобретать мягко выраженный или даже латентный характер в периоды общественной стабильности и обостряться в периоды общественных кризисов, коренных реформ, слома общественных структур, в переходные периоды развития общества и государства. В связи с этим неудивительно, что борьба правовых идей и концепций приобрела особенно острый характер в странах постсоветского пространства, в которых после отказа от господствовавшей многие десятилетия правовой и политической идеологии образовался своего рода идеологический вакуум, который бросились заполнять многочисленные идеи и концепции. Причем некоторые из них были «вынуты с антресолей истории», некоторые — импортированы из-за рубежа. Как бы то ни было, борьба за идейное поле постсоветского пространства развернулась достаточно напряженная.

И если некоторые идеи и концепции могут более или менее удачно сосуществовать (как, например, концепции разделения властей и приоритета прав человека с концепцией социального государства и даже — для широких масс населения — государственного патернализма), то другие по своей природе вынуждены конкурировать за право стать доминирующими.

В качестве характерного примера назовем идеи о том, к какой правовой системе относятся страны постсоветского пространства.

В советский период отечественной истории доминировала идея, согласно которой республики СССР (а также страны соцлагеря) относились к социалистической правовой семье (системе советского права), хотя с этим и не соглашались многие буржуазные исследователи, относившие страны соцлагеря (нередко по идейным соображениям, чтобы подчеркнуть несамостоятельность их правовой традиции) к романо-германской правовой семье.

Проблема обострилась после распада СССР. Показательно, например, что в изданиях книг французского ученого Рене Давида, выходивших в советский период, были рассуждения о социалистических правовых системах, советском праве, хотя и отмечалось: «Должно ли советское право рассматриваться как оригинальная система в сравнении с романо-германской правовой семьей? Очевидно, что будущее коммунистическое общество, когда оно будет создано, представит новый тип общества, принципиально отличный от существующих ныне обществ. Но в настоящее время оно еще не создано, и действующее советское право, несомненно, обнаруживает известное сходство с романской системой. Оно достаточно широко сохранило ее терминологию, а также — хотя бы по внешнему виду — ее структуру. Для советского права характерна концепция правовой нормы, которая мало чем отличается от французской или немецкой концепции. Исходя из сказанного, многие западные авторы, особенно английские и американские, отказываются видеть в советском праве оригинальную систему и помещают его в романские правовые системы» [9].

В современном же переиздании книги (оригинал 2002 г. на французском языке) Камилла Жоффре-Спинози, на которую была возложена ответственная задача актуализации книги после смерти ее знаменитого автора Рене Давида

в 1990 году, по сути, уклонилась от решения трудного вопроса о том, к какой правовой семье относить правовую систему современной России. В результате соответствующая глава была озаглавлена нейтрально: «Российское право». В этой главе характеризуется история и современное состояние законодательства РФ, но доктринальные вопросы места российского права на правовой карте мира обойдены молчанием. В.А. Туманов в предисловии к этой книге справедливо замечает: «К сожалению, этот текст носит описательный характер и в большей своей части не выходит за рамки изложения законов. Он не содержит аналитических выводов и сравнительно-правовых характеристик, какими отличаются стиль и уровень текста самого Р. Давида. Авторы уклонились даже от ответа на вопрос, который в контексте книги Р. Давида представляется обязательным, а именно: какое место в типологии и классификации современных правовых систем занимает сегодня российское право?» [3: с. 8].

В целом же можно сделать вывод о том, что на сегодняшний момент в этом идейном поле конкурируют как минимум следующие центры притяжения и правовые идеи (причем противостояние осуществляется не без воздействия зарубежных образовательных, научных и консультативных центров, финансовых и иных институтов):

1. *Романо-германская правовая семья.* Многие современные ученые в странах постсоветского пространства считают наиболее соответствующим новой реальности отнесение правовых систем этих стран к романо-германской правовой семье. Например, современная украинская исследовательница М.Г. Хаустова (к.ю.н., доцент Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», г. Харьков (должность на момент опубликования указанной статьи)) пишет: «Раскрывая вопрос определения национальной правовой системы Украины на правовой карте мира, отметим, что в юридической литературе не существует единодушия мнений ученых по поводу характеристики современных правовых систем постсоциалистических стран Восточной Европы. Каким же путем трансформироваться: присоединиться к одной из функционирующих правовых семей современности или пойти своим путем, создавая евразийскую правовую семью? Большинство ученых убеждены, что тенденции развития правовых систем этих государств позволяют считать, что они движутся в направлении присоединения к германской подгруппе в семье романо-германского права. Следует при этом признать факт, что они уже постепенно отошли от своего социалистического прошлого» [15]. К.А. Нурлыбай (старший преподаватель Института права и экономики КазНПУ имени Абая (должность на момент опубликования указанной статьи)) пишет без колебаний: «В теории современную правовую систему Казахстана характеризует прежде всего ее принадлежность к романо-германской правовой семье» [8].

Этот тезис обосновывается исторически, а также путем проведения параллелей в основных чертах юридической доктрины (например, сходное понимание источников права, нормы права, роли законодателя и судьи и т. д.).

При этом со стороны традиционных стран романо-германской правовой семьи (например, Германии, Франции) делается многое, чтобы «притянуть» страны постсоветского пространства в свое правовое поле.

Например, М.К. Сулейменов (д.ю.н., профессор, директор НИИ частного права, академик Национальной академии наук Республики Казахстан) пишет: «В силу тесной связи правовой системы Казахстана с германским правом следует особенно подчеркнуть эффективность помощи в становлении правовой системы Республики Казахстан, оказываемой германскими специалистами. Прежде всего я имею в виду немецкое Общество по техническому сотрудничеству (GTZ, ныне GIZ), и в первую очередь профессора Рольфа Книпера, бывшего руководителя проекта GTZ “Правовая реформа в странах с переходной экономикой”, Почетного профессора Казахского гуманитарно-юридического университета. Этот проект реализуется во всех странах Центральной Азии (Узбекистане, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане), но наиболее успешным является, на мой взгляд, в Казахстане. Проект GTZ реализуется по трем важным направлениям: совершенствование национального гражданского законодательства, практическое обучение юристов и научные контакты. В сфере гражданского законодательства немецкие ученые, и прежде всего Рольф Книпер, оказали большую помощь в подготовке Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов, а также проектов законов о третейских судах и о международном арбитраже», при этом, по мнению ученого, «Казахстан, безусловно, принадлежит к романо-германской правовой семье, где в основе гражданского законодательства лежит Гражданский кодекс» [11].

2. *Англо-саксонская правовая семья.* Попытки внедрить в страны постсоветского пространства идеи, понятия и категории англо-саксонской правовой семьи также имели место. Причем, в отличие от романо-германской правовой семьи, далеко не всегда удачные. М.К. Сулейменов приводит и такой пример: «В 1998 г. по инициативе Национальной комиссии по ценным бумагам РК был принят разработанный американскими юристами Закон об акционерных обществах. Закон был нашпигован американскими понятиями и инструментами, направленными на построение акционерного общества не как производственного предприятия, а как спекулятивного образования, участника рынка ценных бумаг. Этот закон сразу забуксовал, практически не работал, и те же люди, теперь уже в Национальном банке, инициировали разработку нового закона, соответствующего принципам континентальной системы права, который и был принят в 2003 г. и действует до сих пор» [11].

В то же время, например, сегодня в Казахстане создается Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), одним из конкурентных преимуществ которого провозглашается то, что в нем «для обеспечения доверия к МФЦА со стороны мирового сообщества, защиты интересов инвесторов и клиентов финансовых услуг планируется установить понятный правовой режим, основанный на принципах английского общего права» [4].

3. *Правовая семья мусульманского права.* Ряд стран постсоветского пространства обладает значительным количеством жителей, исповедующих ислам (например, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия). В связи с этим сильное влияние в них в постсоветский период приобретает современное исламское право, которое, будучи в XX веке серьезно модернизированным, сегодня воздействует даже на неисламские страны. Сегодня начинает пользоваться популярностью так называемый исламский банкинг — банковская деятельность, основанная на принципах мусульманского права (запрет ростовщической деятельности и сделок с неопределенными условиями, запрет вложения денег в недопустимые для мусульманина сферы деятельности и т. д.).

Есть примеры появления на постсоветском пространстве законодательств, регулирующих банковскую деятельность в соответствии с принципами ислама. В 2005 году были внесены изменения в Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 г. № 2444 «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан». В 2009 году были внесены поправки в Закон Республики Киргизия от 29 июля 1997 г. № 60 «О банках и банковской деятельности в Кыргызской Республике». В 2014 году был принят Закон Республики Таджикистан № 1108 «Об исламской банковской деятельности». «В Казани 24 марта 2016 г. впервые в России начал работу Центр партнерского банкинга, оказывающий финансовые услуги в соответствии с основополагающими принципами ислама» [7: с. 27–28].

4. *Постсоциалистическая правовая семья.* Некоторые исследователи считают современные страны постсоветского пространства относящимися к государствам переходного типа и используют в отношении их правовых систем термин «постсоциалистическая правовая семья» или «постсоветские системы». В частности, М.Н. Марченко отмечает, что государства, переходные от социалистического государства к капиталистическому, нередко именуют «постсоветскими» системами, «подчеркивая тем самым, что в центре прежней социалистической, или псевдосоциалистической, правовой семьи стояло Советское государство и право» [6: с. 605]. Однако, как мы полагаем, далеко не во всех странах постсоветского пространства такая идентификация сегодня может встретить понимание и стать самоидентификацией.

5. *Славянская правовая семья.* Ряд авторитетных исследователей считает, что сегодня можно вести речь о становлении славянской правовой семьи. Например, В.Н. Синюков полагает, что славянская правовая семья включает группу российского права, группу западно- и восточнославянского права, и возможно, как пишет автор, группу евразийского (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) и закавказского права (Грузия, Армения, Азербайджан, Южная Осетия, Абхазия) [10: с. 201].

Эта концепция довольно обоснована, прежде всего, с позиций правовых традиций и правового менталитета, однако, на наш взгляд, у нее есть существенный недостаток — далеко не во всех бывших республиках СССР доминирует сегодня

славянское население, в связи с чем такие республики вряд ли согласятся самоидентифицировать себя в рамках славянской правовой семьи. А для того, чтобы вести речь о правовой семье, недостаточно, на наш взгляд, чтобы себя к ней причислял только один член такой семьи — необходимо и «семейное согласие».

В концепции же В.И. Лафитского, например, критерии славянской правовой семьи основаны в значительной степени на православной идентичности. В частности, автор пишет, что рассмотрение им христианской традиции права с обзором славянского права обусловлено рядом причин: «во-первых, тем, что в славянском праве христианские ценности находят наиболее полное воплощение; во-вторых, тем, что славяне — самый крупный, и, судя по всему, самый древний этнос Европы. Даже сейчас, несмотря на все войны и социальные беды XX в., примерно каждый третий житель Европы относится к славянской расе; в-третьих, тем, что в последние десятилетия именно славянское право развивается наиболее бурными темпами, оказывая все большее влияние на право других христианских правовых семей» [5: с. 200].

При том, что аргументация автора довольно интересна, следует отметить, что такой подход к определению идентичности правовой семьи, на наш взгляд, «отсекает» от этой общности многие страны постсоветского пространства с доминированием исламского вероисповедания. Между тем объективно сохраняется в этих странах ряд общих черт в правовом развитии (как наследие общей правовой истории на протяжении веков, а также в силу сходности правового менталитета населения, общих до сих пор основ правовой науки), что концепция славянской правовой семьи не учитывает. В то же время многие современные государства западных славян, а также такое православное государство, как Греция, в настоящее время уже довольно давно и прочно интегрированы в иные правовые системы, что затрудняет их объединение в одну правовую систему с Россией.

Таким образом, как мы полагаем, более перспективными являются правовые идеи, которые могли бы объединить страны постсоветского пространства, не допуская возникновения в них новых линий раскола.

6. *Византийская правовая семья.* В частности, С.С. Алексеев считал, что национальные правовые системы стран постсоветского пространства относятся к правовой системе, которую он именовал «система традиционного неотдифференцированного типа» или «право Востока», оперируя для обозначения этих правовых систем термином «византийское право» [1: с. 73].

Как видится, недостатком этой концепции является то, что она в большей степени ориентирована на ранние исторические корни становления общей правовой идеологии в Древнерусском государстве, на анализ исторических особенностей правового менталитета, и ей трудно предложить актуальную повестку современным динамично развивающимся государствам этого цивилизационного пространства, которое со времен Византийской империи значительно расширилось. Кроме того, на наш взгляд, современные страны постсоветского пространства в гораздо большей степени являются наследницами советской

правовой традиции, накопленного на протяжении XX века оригинального, самостоятельного опыта правового развития, и византийские корни имеют крайне отдаленное отношение к современному правовому стилю этих стран.

7. *Евразийская правовая семья.* Учитывая формирующуюся евразийскую интеграцию, которая объединяет сегодня ряд стран постсоветского пространства, сохранивших наибольшее цивилизационное единство, на глобальную историческую перспективу представляется небеспочвенным вести речь о формировании евразийской правовой семьи. Мы полагаем, эта концепция могла бы стать консолидирующей для стран постсоветского пространства. Она не несет в себе исторического негативного шлейфа для этих стран (как концепция постсоветского права для некоторых бывших республик СССР), не ограничивается узкими рамками национальной или религиозной идентичности (как концепция славянской правовой семьи), что теоретически делает ее приемлемой для всех стран постсоветского пространства. При этом она позволяет учесть то особенное, что до сих пор отличает эти страны от стран других правовых семей, и дает возможность сформировать идеологическое обоснование для отказа от безусловного подчинения тому или иному «центру притяжения». Эта концепция не создает препятствий для восприятия от этих центров отдельных положительных моментов (и даже подчеркивает, что к тому есть все предпосылки, поскольку Евразия цивилизационно находится на «культурном перекрестке»), но позволяет сохранить собственную индивидуальность всем странам постсоветского пространства, можно даже сказать, позволяет им защитить свой идеологический суверенитет от экспансии глобализма.

Имеется также точка зрения, согласно которой одним из возможных вариантов развития является фрагментация постсоветского правового пространства. Например, Ю.А. Тихомиров в качестве одного из трех прогнозируемых вариантов называет такой, при котором на этом пространстве возможно возникновение двух-трех правовых семей: прибалтийской — с тяготением к северной (скандинавской) правовой семье, славянской правовой семьи в сочетании с азиатско-мусульманской правовой семьей, центрально-европейской — с тяготением к романо-германской семье [13: с. 129].

Необходимо также учитывать, что конфликты правовых идей и концепций имеют далеко не только доктринальное значение. Нередко они подходят очень близко к вопросам политики, идеологии, цивилизационной и культурной идентичности и т. д. Последствия же конфликтов в этих сферах на постсоветском пространстве мы видим регулярно. Таким образом, примирение различных правовых концепций в рамках объединяющей концепции евразийской правовой семьи могло бы сыграть, как видится, позитивную роль.

В целом же конфликты правовых идей и концепций, на наш взгляд, могут иметь как конструктивное, так и деструктивное значение, что показывает и опыт такого рода конфликтов на постсоветском пространстве.

1. Конструктивный аспект:

а) гносеологическое значение (в споре рождается истина);

б) эвристическое значение (при столкновении идей, если ни одна не одерживает убедительную победу и не способна предложить привлекательный образ желаемого будущего, велика вероятность появления новой идеи или концепции);

в) парадигмальное значение (смена парадигм в юридической науке и государственной практике, общество получает новый импульс развития);

г) интеграционное значение (сближение государств в рамках формирующегося общего правового стиля в силу общности правовых идей и концепций, «выигравших» конфликт (например, это может быть евразийская правовая идея), и в перспективе — с формированием общей правовой системы или даже интеграционного объединения государств);

д) социально-мобилизирующее значение (сплочение социальной группы вокруг идеи или восстановление единства по итогам успешного преодоления конфликта, в рамках которого находят разрешение накопившиеся противоречия). Так, по мнению Л. Козера, конфликт внутри какой-либо группы может способствовать ее сплочению или восстановлению единства. Поэтому внутренние социальные конфликты, затрагивающие только такие цели, ценности и интересы, которые не противоречат принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят функционально-позитивный характер [17: с. 199].

2. Деструктивный аспект:

а) разрушение устаревших концепций и идей, либо концепций и идей, вступивших в непримиримое противоречие с новым вектором развития государства и общества, — например, концепция единства государственной власти (при этом крушение правовых идей нередко сопряжено и с опровержением иных связанных с ними идей в сфере государственного и общественного развития, а это уже угроза стабильности государства и общества);

б) конфликты правовые могут перерастать в иные типы конфликтов — межнациональные, территориальные, социальные;

в) возникновение риска непонимания или даже раскола в отношениях между государствами, выбравшими различные, не совпадающие по своему вектору правовые идеи и концепции.

Отсюда вывод: в случае конфликта правовых идей и концепций необходимо стремиться к тому, чтобы максимально использовать их конструктивный потенциал и нивелировать деструктивный, в особенности же следует не допускать перерастания конфликта правовых идей в иные, более опасные типы конфликтов (социальные, межгосударственные), а значит, стремиться разрешать их (или хотя бы смягчать, лишать жесткой риторики) еще на стадии академической дискуссии.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи: монография. М.: Статут, 2000. 256 с.

2. *Верещагин О.А., Горькова Е.В.* Концепт «идеократии» в отечественной политико-правовой традиции // Приволжский научный вестник. 2015. № 12–2 (52). С. 54–59.

3. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 2009. 456 с.

4. Интервью Управляющего МФЦА Кайрата Келимбетова российскому журналу «Эксперт»: Международный финансовый центр принесет Казахстану дополнительно до 1 % ВВП в год // Эксперт. 2016. № 28–29 (995). С. 68–70.

5. *Лафитский В.И.* Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1. М.: Статут, 2010. 429 с.

6. *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 781 с.

7. *Новикова Р.Г.* Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 30 с.

8. *Нурлыбай К.А.* Место правовой системы Республики Казахстан в общей типологии правовых систем современности // Научные конференции, научные журналы | Ключевые проблемы современной истории – 2013 | Право. URL: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Pravo/1_135727.doc.htm (дата обращения: 01.09.17).

9. *Рене Давид.* Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. 495 с.

10. *Синюков В.Н.* Российская правовая система: введение в общую теорию. 2-е изд. М.: Норма, 2010. 672 с.

11. *Сулейменов М.К.* Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути // «Юрист». Алматы, 2004. № 4. 10 с.

12. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.

13. *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. М.: Норма, 1995. 432 с.

14. *Тупаев А.В.* Идеологическое государство в концепциях Э. Нольте и Н.Н. Алексеева как предмет социально-политического исследования // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 228–230.

15. *Хаустова М.Г.* Правовая система Украины среди правовых систем современности // Проблемы законности. 2013. № 123. С. 24–35. (Журнал издается Национальным университетом «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого».)

16. Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Институт государства и права РАН, 1995. 316 с.

17. *Coser L.A.* The function of social conflict. Sociological theory. New-York: The Free Press, 1956. 177 p.

Literatura

1. *Alekseev S.S.* Pravo na poroge novogo ty'syacheletiya: nekotory'e tendencii mirovogo pravovogo razvitiya — nadezhda i drama sovremennoj e'poxi: monografiya. M.: Statut, 2000. 256 s.

2. *Vereshhagin O.A., Gor'kova E.V.* Koncept «ideokratii» v otechestvennoj politiko-pravovoj tradicii // Privolzhskij nauchny'j vestnik. 2015. № 12–2 (52). S. 54–59.

3. *David R., Zhoffre-Spinozi K.* Osnovny'e pravovy'e sistemy' sovremennosti. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2009. 456 s.

4. Interv'yu Upravlyayushhego MFCzA Kajrata Kelimbetova rossijskomu zhurnalu «E'kspert»: Mezhdunarodny'j finansovy'j centr prineset Kazaxstanu dopolnitel'no do 1 % VVP v god // E'kspert. 2016. № 28–29 (995). S. 68–70.

5. *Lafitskij V.I.* Sravnitel'noe pravovedenie v obrazax prava. T. 1. M.: Statut, 2010. 429 s.

6. *Marchenko M.N.* Sravnitel'noe pravovedenie. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2011. 781 s.

7. *Novikova R.G.* Teoreticheskie osnovy' pravovogo regulirovaniya finansovy'x otnoshenij v islamskom prave: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2006. 30 s.

8. *Nurly'baj K.A.* Mesto pravovoj sistemy' Respubliki Kazaxstan v obshhej tipologii pravovy'x sistem sovremennosti // Nauchny'e konferencii, nauchny'e zhurnaly' | Klyuchevy'e problemy' sovremennoj istorii – 2013 | Pravo. URL: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Pravo/1_135727.doc.htm (data obrashheniya: 01.09.17).

9. *Rene David.* Osnovny'e pravovy'e sistemy' sovremennosti. M.: Progress, 1988. 495 s.

10. *Sinyukov V.N.* Rossijskaya pravovaya sistema: vvedenie v obshhuyu teoriyu. 2-e izd. M.: Norma, 2010. 672 s.

11. *Sulejmenov M.K.* Sistema prava i sistema zakonodatel'stva Kazaxstana: vy'bor puti // «Yurist». Almaty', 2004. № 4. 10 s.

12. *Tixomirov L.A.* Monarxicheskaya gosudarstvennost'. M.: GUP «Oblizdat», TOO «Alir», 1998. 672 s.

13. *Tixomirov Yu.A.* Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya. M.: Norma, 1995. 432 s.

14. *Tupaev A.V.* Ideologicheskoe gosudarstvo v koncepciyax E'. Nol'te i N.N. Alekseeva kak predmet social'no-politicheskogo issledovaniya // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. № 5. S. 228–230.

15. *Xaustova M.G.* Pravovaya sistema Ukrainy' sredi pravovy'x sistem sovremennosti // Problemy' zakonnosti. 2013. № 123. S. 24–35. (Zhurnal izdaetsya Nacional'ny'm universitetom «Yuridicheskaya akademiya Ukrainy imeni Yaroslava Mudrogo».)

16. Yuridicheskaya konfliktologiya / pod red. V.N. Kudryavceva. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 1995. 316 s.

17. *Coser L.A.* The function of social conflict. Sociological theory. New-York: The Free Press, 1956. 177 p.

A.A. Golovina

Conflict of Legal Ideas and Concepts in the Post-Soviet Countries

The article deals with the category of legal conflict based on the example of the conflict of legal ideas and concepts. The typical areas of the emergence of such conflicts in the post-Soviet countries are explored by the example of the dispute about the membership of the post-Soviet countries in a particular legal family, constructive and destructive aspects of conflicts of legal ideas and concepts are singled out in particular.

Keywords: legal conflict; conflict of legal ideas and concepts; the post-Soviet countries; legal families.